

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5939>

Дата подачи статьи: 9 мая 2020 г.

Дата принятия к печати: 22 августа 2020 г.

ПОЛЬСКИЙ АСПЕКТ В РЕАЛИЗАЦИИ УКАЗА О БЕССРОЧНЫХ ОТПУСКАХ ДЛЯ НИЖНИЙ ЧИНОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 30–50-Е ГОДЫ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА

Сергей Лазарян

Пятигорский государственный университет, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

e-mail: aflost@yandex.ru

Аннотация: В статье рассказывается о причинах, принципах и характере реализации царского указа о досрочных отпусках для нижних чинов в Российской армии. Одновременно сделана попытка проследить судьбы поляков, которые оказались на Кавказе в период активного вооружённого противостояния России с непримиримой к ней частью горских народов. Объясняются мотивы военного командования, отказавшего выходцам из Царства Польского в отставке от службы, несмотря на их продолжительное пребывание в войсках и добросовестное исполнение ими служебных обязанностей. На основании выявленных документов и проведенного анализа делается вывод о том, что поляки сделались заложниками своего высокого образовательного уровня и культурного развития. Особенно это касалось нижних чинов армии, которые в России за редким исключением были грамотными, не говоря об высоком образовании. Польские дворяне и мещане, отправленные рекрутами в российскую армию на Кавказ, стали ценнейшим подарком местному командованию, от которого оно не собиралось отказываться.

Ключевые слова: российская армия, бессрочный отпуск, военная служба, поляки, Кавказ

Submitted on 9 May, 2020
Accepted on August 22, 2020

THE POLISH ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE DECREE ON UNLIMITED LEAVE FOR THE LOWER RANKS OF THE RUSSIAN ARMY IN THE 1830-50S BASED ON THE EXAMPLE OF THE INDEPENDENT CAUCASIAN CORPS

Sergej Lazarian

Pyatigorsk State University, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

e-mail: aflost@yandex.ru

Abstract: This article describes the reasons, principles and nature of the implementation of the tsar's decree on early leave for lower ranks in the Russian army. At the same time, an attempt was made to trace the fate of Poles who found themselves in the Caucasus during the period of the active armed confrontation of Russia with various hostile mountain peoples. It explains the motives of the military command, who refused to leave the Polish Kingdom to resign from service, despite their long presence with the troops and the conscientious performance of their duties. Based on the identified documents and an analysis, it is concluded that the Poles became hostages of their high educational level and cultural development. This was especially true of the lower ranks of the army which, in Russia, with rare exceptions, were literate, not to mention having higher education. Polish nobles and bourgeoisie, sent as recruits to the Russian army in the Caucasus, became a valuable gift to the local command, which were not to be refused.

Keywords: Russian army, unlimited vacation, military service, Poles, Caucasus

С ростом продолжительности и масштабов вооруженных конфликтов в Европе, решать задачи по достижению политических, военных и всех иных целей войны армиями мирного времени стало невозможно. Во многих государствах мира эта проблема разрешилась «путем создания резерва (мобилизационного) людей, военного имущества и снаряжения, который использовался для наращивания сил и средств накануне и во время войны, а также для восполнения потерь» [Рюстов, III, 133].

Начало образованию военно-обученного запаса армии с целью увеличения ее численности в случае войны в России было положено в 1834 г. Указом императора Николая I от 30 августа, по которому срок военной службы нижних чинов уменьшился с 25 до 20 лет с последующим пребыванием в течение 5 лет в бессрочном отпуске. Этим же Указом нижних чинов, беспорочно отслуживших 15 лет, разрешалось увольнять в бессрочный отпуск на 5 лет [ПСЗРИ, IX, 845–885].

Такое увольнение нижних чинов в бессрочный отпуск, который предшествовал отставке, имел целью «сблизить их с своим семейством, не ослабляя силу войска в случаях надобности, ... возвратит работников в менее преклонном возрасте и не потерявшим ещё трудоспособности, а также чтобы достигнуть, ради экономии, уменьшения наличной численности армии, не нарушая системы ее организации и сохраняя возможность быстро пополнить ее до боевого штата основательно обученными людьми» [ПСЗРИ, IX, 745].

Власти ожидали от введения системы бессрочных отпусков укрепления дисциплины в войсках. «Сия оказанная войскам милость, дарованная с условием беспорочного служения... будет иметь весьма полезное влияние на поведение нижних чинов, а им доставляет новое и сильное средство приобрести усердие к себе и преданность солдата, так как сей последний не иначе может воспользоваться отпуском, как по засвидетельствованию начальства о беспорочном его служении» [*Россия под надзором*]... 2006, 122].

Для осуществления увольнения нижних чинов в бессрочный отпуск была установлена соответствующая процедура, отраженная в законоположениях Российской империи [ПСЗРИ, IX, 850–853]. Ежегодное назначение нижних чинов в бессрочный отпуск предоставлялось в войсках, где резервы не отделялись от действующих частей, корпусным командирам. Затем соответствующими командирами подразделений составлялись формулярные списки всем нижним чинам, прослужившим беспорочно 20-летний срок. На списках делались надписи под именами и прозваниями увольняемых в бессрочный отпуск, в которых указывалось место, куда увольняемый собирался отбыть. Затем списки снова перепроверялись на предмет того, подвергались ли во время службы отпускаемые нижние чины взысканиям или штрафам. Если таковые выявлялись, то назначенные в бессрочный отпуск люди лишались такого права.

Далее устанавливался действительный срок 20-летней службы через обращение в Казенные палаты тех губерний, из которых нижние чины поступали на службу. Палаты должны были указать год, месяц и число поступления их в рекруты.

Затем командиры военных подразделений, в которых проходили службу нижние чины, делали представление в Инспекторский департамент Военного министерства. Все списки отпускников должны были представляться к 1 мая каждого года от полков через бригадного командира и начальника дивизии корпусному командиру.

По окончании проверки списков в корпусных штабах и в штабах резервных дивизий, корпусные командиры разрешали увольнение нижних чинов в бессрочный отпуск, делая об этом соответствующую надпись на представленных списках. Увольнения происходило 1 сентября текущего года.

Устанавливался также соответствующий порядок отправки нижних чинов в бессрочный отпуск [ПСЗРИ, IX, 853–855]. Их собирали в полковые и батальонные штаб-квартиры и там наделяли жалованием и артельными деньгами, снабжали годовыми вещами (мундиром с панталонами, шинелью, фуражкой, шапкой и ранцем) по сроку того года, в который те увольнялись. Все вещи выдавались в собственность нижним чинам. Далее заполнялись отпускные билеты (для поляков на русском и польском языках) [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 25–40], представлявшие собой печатные бланки на толстой бумаге, доставлявшиеся из Инспекторского департамента Военного министерства.

Затем уволенные в бессрочный отпуск нижние чины исключались из списков своих подразделений. Им прекращалось всякое содержание от казны, кроме довольствия, необходимое на время пути и пенсионеров за знаки отличия и за раны, полученные в сражениях. После этого отпускники отправлялись на сборные пункты, которые назначались корпусными командирами. На сборных пунктах их разделяли на особые команды, соответственно тому, в какие губернии они проследуют, а для сопровождения этих команд назначались нарочные – штаб- или обер-офицеры, уроженцы соответствующих губерний.

Офицеры сопровождения снабжались особыми предписаниями для отправки команд в губернии, маршрутом следования команд по назначению, кормовыми деньгами для нижних чинов и отпускными билетами на каждого отпускника. После этого команды выступали по назначению, погрузившись в заранее заготовленное число обывательских подвод.

В команды численностью до 50 человек офицеров не назначали, а отправляли людей посредством Внутренней стражи. По прибытии на места назначения людям раздавались отпускные билеты и выдавались денежные средства [ПСЗРИ, IX, 185].

Плененные солдаты бывшей Польской армии, отправленные служить на Кавказ в действующую армию, а также рекруты, набранные по конскрипционным спискам, проходили службу в России на общих основаниях. Первые попытки провести отставки и возвращения в Польшу для тех, кто выжил и служил беспорочно, начались только в августе 1851 г.

Например, в связи с приказом, отданным по войскам Отдельного Кавказского корпуса от 11 августа 1851 г. № 130 «по силе Высочайшего повеления, объявленного в приказе по этому корпусу от 21 ноября 1850 г. № 189, пункт 3» нижние чины, «поступившие в российские войска из бывшей Польской армии и взятые в плен во время мятежа», состоявшие при Ставропольском полицейском управлении, рядовые: Валентий Коза, Станислав Орловский, Игнаци Залевский, Миколай Ковальский, Францышек Зайковский, Ян Петровский, Антоний Кшецкий, Войцех Казакевич, Ян Казимирчук, Якуб Савельга, Август Ежка, Юстин Адамович, Криштоф Славянский – получили право отставки за беспорочную выслугу 15 лет [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 1–1 об].

Бюрократическая машина требовала, чтобы с отношением по этому поводу Ставропольское полицейское управление обратилось в Ставропольское губернское правление, прося его выйти с запросом к Штабу войск Кавказской линии и Черномории, чтобы получить подтверждение на право отставки перечисленным нижним чинам от военного управления, к которому они были приписаны.

Дежурный штаб-офицер соответствующего ведомства 19 февраля 1852 г. предоставил разъяснения и подтвердил право перечисленным полицейским служащим получения отставки, тем паче, что фактически они отслужили более указанного в Высочайшем повелении срока. Ставропольскому полицейскому управлению было приказано, составив формулярные списки о службе указанных рядовых, и вместе с отношением дежурного штаб-офицера исходатайствовать у военного командования Отдельного Кавказского корпуса им увольнения в отставку.

Из формулярных списков можно было узнать, что рядовые: Валентий Коза был уроженцем Краковского воеводства Оскольского повета деревни Кручев. В русскую службу поступил 1 мая 1832 г.; Станислав Орловский – уроженец Плотского воеводства, Красностовского обвода, из мещан. Взят в плен 5 июня 1832 г. и зачислен в Кавказский линейный № 1 батальон 2 мая 1833 г.; Игнаци Залевский, Плотского воеводства Пултусского повета города Макув, из мещан. Взят в плен 5 мая 1832 г., зачислен в Кавказский линейный № 1 батальон 6 марта 1833 г.; Николай Ковальский – уроженец Плотского

обвода и воеводства Притувского города Сероцка, из мещан, в российскую службу зачислен 5 мая 1832 г.; Францышек Зайковский был родом Августовского воеводства, Ломженского обвода, местечка Савоетки, из мещан. В русскую службу вступил 5 мая 1832 г.; Ян Петровский, Августовского воеводства, Ломженского обвода, деревни Ежова из вольных людей. В российскую службу вступил 30 августа 1832 г.; Антоний Кшецкий – выходец из Подляцкого воеводства города Перцова, из мещан. В русскую службу вступил 26 августа 1832 г.; Войцех Казакевич – уроженец Августовского воеводства, Сентского обвода, деревни Юрека, из крестьян. В российскую службу вступил 5 мая 1832 г.; Ян Казимирчук – уроженец Люблинского воеводства Красностовского обвода села Старовела, из шляхт, не имеющих дворянства. В российскую службу вступил 2 мая 1833 г.; Якуб Савельга родом из Калешкого воеводства Мехавского обвода, деревни Ксёнж, из крестьян. Взят в плен 30 мая 1831 г. и поступил рядовым в Кавказский линейный № 1 батальон 4 ноября 1831 г.; Августин Ежка – уроженец Мазовецкого воеводства города Варшавы, из мещан. Взят в плен 17 июля 1832 г. и поступил рядовым в Кавказский линейный № 1 батальон 13 июля 1833 г.; Юстин Адамович – уроженец Августовского воеводства Марьямпольского повета, из мещан. В российскую службу поступил 5 мая 1832 г.; Криштоф Славянский – уроженец Княжества Познаньского местечка Острова, из мещан. В российскую службу поступил 4 января 1834 г. [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 4–8 об].

По инстанции формулярные списки перечисленных полицейских служителей из поляков были отправлены в Инспекторский департамент Военного министерства с просьбой об их отставке за выслугу в российской службе установленных лет.

Желая посодействовать полякам и будучи довольным их службой, Ставропольское полицейское управление подало рапорт в Ставропольское губернское правление, в котором сообщалось, что рядовые Станислав Орловский, Антоний Кшецкий и Францышек Зайковский, «находясь на службе при сем управлении более 8 лет при хорошем их поведении, всегда исполняли долг службы со всею точностью и никогда не пьянствовали и в других дурных поступках не замечены» [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 9]. Поэтому, по мнению полицейского управления, они заслужили внимание со стороны начальства и должны быть награждены на основе существующего законоположения при отставке унтер-офицерскими званиями.

Инспекторский департамент Военного министерства согласился с доводами Ставропольского полицейского управления, сообщив об этом управляющему гражданской частью в Ставропольской губернии 8 апреля 1852 года

[ГАСК, Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 12 об]. Свое согласие на присуждение унтер-офицерских званий поименованным полицейским из поляков дал командующий войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенант Н.С. Завадовский.

Надо отметить, что полицейская служба в кавказских городах требовала многих усилий, так как она проходила на фоне продолжавшегося противостояния с горцами. Рядовых полицейских набирали из воинских команд (т.н. инвалидные команды). Они несли караульную и конвойную службу, следили за безопасностью путей сообщения, задерживали бродяг и беглецов, следили за соблюдением порядка в общественных местах в обычные дни и во время стихийных бедствий, осуществляли пожарный надзор, ловили бродячий скот по улицам, следили за тем, чтобы никто не писал бранных слов на заборах, чтобы домохозяева держали собак на привязи, охраняли присутственные места, почты и тюрьмы, противодействовали пьяным дебошам. Непослушных требовалось задерживать и приводить в полицейский участок, но действовать осторожно и с человеколюбием. Кроме того, в обязанности полицейских входил розыск беглых крестьян, раскольников, лиц, скрывавшихся от административного надзора.

Кавказ, будучи местом беспокойным, привлекал отчаянных людей. Туда часто бежали преступники от преследования и наказания. Достаточно часто полицейским приходилось исполнять циркулярные предписания Министерства внутренних дел (МВД) по поиску лиц, бежавших из-под надзора или из-под стражи из весьма отдаленных мест империи. Искали беглых солдат, крестьян, бежавших от своих помещиков, скрывающихся проштрафившихся чиновников, не являвшихся в полки длительное время офицеров. В течение только двух месяцев 1833 г. (февраль-март) в Ставрополе было получено из МВД 85 предписаний о поиске и задержании беглецов. В 1836 г. Ставропольской полицией было задержано 89 человек [Ушмаева, 2018, 22]. Таким образом полицейская служба хоть и отличалась от военной и была некоторым послаблением для солдат инвалидных рот, но оставалась не менее тягостной и беспокойной.

Позднее, 22 апреля 1852 г., от дежурного генерала Главного штаба по Инспекторскому департаменту Военного министерства пришло к гражданскому губернатору Ставропольской губернии разъяснение, из которого следовало, что нижние чины из уроженцев Царства Польского по выслуге 15 лет могут быть уволены в бессрочный отпуск, а отставку могут получить на основании общих правил по истечении 25 лет всей службы.

Кроме того, из показанных в списке 13 человек нижних чинов Ставропольской градской полиции: Валентий Коза, Игнаци Залевский, Францышек Зайковский, Войцех Казакевич, Ян Казимирчук, Август Ежка, Юстин Адамович, Криштоф Славянский, прослужившие 15 лет беспорочно, подлежат увольнению в бессрочный отпуск. Прочие 5 человек, значившиеся в списке, поскольку подвергались на службе взысканиям и штрафам, не имеют права на бессрочный отпуск. В отставку они могут быть уволены только тогда, когда сверх 25-летнего срока прослужат за каждый штраф по 2 года [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 13 об–14].

Вместо отправляемых в бессрочный отпуск 8 человек полицейских служащих уроженцев Царства Польского было приказано назначить 8 человек рядовых из военного ведомства и сообщить о том в штаб войск Кавказской линии и Черномории. Были назначены рядовые из Егерского генерал-адъютанта князя А.И. Чернышева полка.

Когда шла полным ходом подготовка к увольнению в бессрочный отпуск 8 человек рядовых из уроженцев Царства Польского, собирались соответствующие документы и составлялись распоряжения, 22 июня 1852 г. пришло приказание из канцелярии командующего Отдельным Кавказским корпусом (ОКК) со ссылкой на Высочайшее повеление от 20 декабря 1834 г., которое приостанавливало увольнение в бессрочный отпуск нижних чинов Кавказского корпуса. Если же таковые отпуска иногда разрешались, то только «во внимание к особым ходатайствам начальства» [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 22 об]. Но так как командующий ОКК не просил об этом, то нижним чинам, служащим Ставропольской полиции, было отказано в праве на бессрочный отпуск. Косвенным подтверждением не случившейся отставки были незаполненные бланки отпускных билетов, предназначенных для вышеперечисленных нижних чинов из поляков [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 25–40].

Командующий ОКК князь М.С. Воронцов, предоставленными ему императором полномочиями приостановил действие императорского же повеления от 1851 г., ссылаясь на особое царское распоряжение по войскам ОКК от 1834 г. На это у главного командования ОКК были особые причины. Тяготы кавказской службы и войны с немирными горцами вели к большим потерям в войсках, особенно среди нижних чинов. За период с 1801–1864 гг. ОКК потерял 24946 чел. убитыми, 65322 чел. ранеными, 6007 чел. пленными. Санитарные потери от болезней и других лишений значительно превосходили боевые. Только за 12 лет существования гарнизонов

Черноморской береговой линии (1837–1849 гг.) в землю погребли до 50 000 солдат и офицеров [Лапин 2008, 46–48].

По этой причине в ОКК каждый солдат был на счету, и командование всеми силами противилось исполнению повеления Петербурга о бессрочных отпусках и отставках. Кроме того Кавказ, будучи своеобразной частью имперской пенитенциарной системы, принимал не лучших по человеческим и нравственным качествам людей. Здесь повсеместно испытывали острый недостаток в людях образованных, благонамеренных и честных.

Поляки сделались заложниками своего уровня образовательного и культурного развития. Особенно это касалось нижних чинов армии, которые в России за редким исключением были грамотными, не говоря об высоком образовании. Польские дворяне и мещане, отправленные рекрутами в Российскую армию на Кавказ, стали ценнейшим подарком местному командованию, от которого оно не собиралось отказываться.

Дальнейшая судьба вышеназванных 13 человек уроженцев Царства Польского по выявленным на сегодняшний день документам неизвестна, за исключением одного из них – Валентия Козы. В Государственном архиве Ставропольского края находится дело [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1 Д. 4152], которое проливает свет на его жизнь и службу.

Из формулярного списка выяснилось, что Валентий Коза поступил на российскую службу 1 мая 1832 г. Имел на левом рукаве за беспорочную 20-летнюю службу из желтой тесьмы нашивку в три ряда. Римско-католического исповедания. По прибытии на Кавказ был направлен служить рядовым во 2-й Конногвардейский полк, где состоял в течение 1 года 6 месяцев и 18 дней. После преобразования Отдельного Кавказского корпуса 30 июня 1834 г. был переведен в Апшеронский пехотный полк. После получения ранения, отправлен 11 декабря 1837 г. в Моздокскую инвалидную команду, а оттуда 20 января 1850 г. переведен в Моздокскую пожарную команду. В 1857 г. ему исполнилось 57 лет.

Во время нахождения в полках ОКК участвовал в походах и делах против немирных горцев. В 1834 г. с 13 по 17 сентября под начальством генерала-майора В.С. Ланского участвовал в походе в горы для занятия и истребления селения Гимры, а затем участвовал в учреждении Темир-Хан-Шуры. В том же 1834 г. участвовал в сильных перестрелках с неприятелем под начальством полковника Клюки фон Клюгенау с 22 по 30 октября во время движения войск из Темир-Хан-Шуры через Акушинские земли на селение Гергебиль, в котором нашли убежище противники русских Гасаран Бек со своими сообщниками. За участие во взятии данного селения приступом

Валентий Коза был отмечен командованием и награжден двумя рублями медью [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1 Д. 4152. Л. 12–13].

23 января 1857 г. заведующий полицейской частью в городе Моздоке заседатель Тарасов подал рапорт в Ставропольское губернское правление о выслуге 25-летнего срока служителем Моздокской пожарной команды Валентием Козой. После представления туда же по запросу заведующего гражданской частью Ставропольского губернского правления генерал-лейтенанта А.А. Волоцкого формулярного списка указанного служителя пожарной команды 19 октября 1857 г., началась процедура «для исходатайствования ему увольнения от службы» [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1 Д. 4152. Л. 8–9 об].

Однако Валентий Коза так и не дождался увольнения от службы. Пока шла бюрократическая переписка и выяснялась точная дата начала его службы, в Ставропольское губернское правление пришло отношение из Екатериноградского военного госпиталя, в котором сообщалось, что 22 сентября 1857 г. рядовой Валентий Коза скончался от изнурительной лихорадки [ГАСК, Ф. 68. Оп. 1 Д. 4152. Л. 15 об].

Кавказ в XIX в. являлся регионом, в котором были распространены многие опасные инфекционные заболевания. Тому сильно способствовали жаркий влажный климат, плохое водоснабжение, несоблюдение санитарно-гигиенических норм, тесное размещение людей в казармах и на постое в домах местных жителей, темные, грязные и сырые помещения, плохое питание и употребление в пищу сырых фруктов и овощей, а также сырых молочных продуктов [Салчинкина 2019, 83–86].

Как отмечали специалисты-гигиенисты наиболее распространенными болезнями среди военнослужащих Отдельного Кавказского корпуса были лихорадки. Если, например, в войсках центральных губерний или вокруг имперской столицы различными лихорадками страдало около 3,5% из числа всех заболевших, то в войсках Отдельного Кавказского корпуса таких было 56%, а на Черноморском побережье Кавказа от малярийных лихорадок умирали 66% заболевших [Жук 1963, 102].

Из архивных документов не удалось выяснить, где был предан земле умерший рядовой, служитель Моздокской пожарной команды Валентий Коза, но скорее всего, далеко от его родины – Польши.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГАСК – Государственный архив Ставропольского края. Фонд 68. Ставропольское губернское правление.
- ПСЗРИ – *Полное собрание законов Российской империи*. 1835. Изд. 2-е. Санкт-Петербург: II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.
- Жук Арон Петрович. 1963. *Развитие общественно-медицинской мысли в России в 60–70 гг. XIX в.* Москва: Медгиз.
- Лапин Владимир Викентьевич. 2008. *Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв.* Санкт-Петербург: Европейский Дом.
- «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов. 2006. Сост. Сидорова М. и Щербакова Е. Москва: «Российский Архив».
- Рюстов Фридрих Вильгельм. 1876. *История пехоты*. Санкт-Петербург: Типография В.П. Воленса.
- Салчинкина Ангелина Ростиславна. 2019. *Эпидемическая ситуация в годы кавказской войны 1817–1864 гг. (по воспоминаниям офицеров отдельного кавказского корпуса)*. «Общество: философия, история, культура» № 9: 83–86.
- Ушмаева Ксения Алексеевна, Состин Дмитрий Игоревич. 2018. *Структура и функции провинциальных полицейских учреждений Российской империи в XVIII – начале XX вв.: по материалам Ставропольской губернии*. «Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал» № 5: 21–25.

REFERENCES

- GASK – Gosudarstvennyj arxiv Stavropol'skogo kraja. Fond 68. Stavropol'skoe gubernskoe pravlenie [State Archive of the Stavropol Territory. Fund 68. Stavropol Provincial Government]. (In Russian)
- PSZRI – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1835. Izd. 2-e. St. Petersburg, II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii. (In Russian)
- Lapin Vladimir Vikent'evich. 2008. *Armiya Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv.* [Russian army in the Caucasian war of the 18th-19th centuries]. St. Petersburg, Evropejskij Dom. (In Russian)
- “Rossiya pod nadzorom”: otchety III otdeleniya 1827–1869 [“Russia under surveillance”: reports of the III division 1827–1869]. Sbornik dokumentov. 2006. Eds Sidorova M., Shherbakova E. Moscow, “Rossijskij Arxiv”. (In Russian)
- Ryustov Fridrix Vil'gel'm. 1876. *Istoriya pexoty* [Infantry history]. St. Petersburg, Tipografiya V.P. Volensa. (In Russian)
- Salchinkina Angelina Rostislavna. 2019. *Epidemicheskaya situacija v gody kavkazskoj vojny 1817–1864 gg. (po vospominaniyam oficerov otdelnogo kavkazskogo korpusa)* [The epidemic situation during the Caucasian War of 1817–1864 (according to the memoirs of officers of a separate Caucasian corps)]. “Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura” no 9, pp. 83–86. (In Russian)
- Ushmaeva Kseniya Alekseevna, Sostin Dmitriij Igorevich. 2018. *Struktura i funkcii provincial'nyx policejskix uchrezhdenij Rossijskoj imperii v XVIII – nachale XX vv.: po materialam Stavropol'skoj gubernii* [The structure and functions of the provincial police institutions of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries: based on materials from the Stavropol province]. “Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal” no 5, pp. 21–25. (In Russian)
- Zhuk Aron Petrovich. 1963. *Razvitie obshhestvenno-medicinskoj my'sli v Rossii v 60–70 gg. XIX v.* [The development of socio-medical thought in Russia in the years 60–70.]. Moscow, Medgiz. (In Russian)

